

ЛИЗУНОВ Игорь Константинович.

Атаман казачьей общины «Спас». Родился в 1958 году в Пскове в семье кадрового военного. Окончил Вильнюсский государственный педагогический институт и Тюменский государственный университет.

НЕ ДОЛЖЕН МАЛЬЧИК ПОХОДИТЬ НА ДЕВОЧКУ

Эту историю я узнала от одной своей знакомой, преподававшей испанский в очень обеспеченной семье, где было двое детей, дочка и сын, студент одного из престижных московских вузов. Беда пришла внезапно. Парень с треском вылетел из универа, ушел из дома. Родители узнали, что сын начал колоться.

Парня вытащили. Причем реабилитировать его смогли в какой-то общине в Обнинске. До этого он лечился в разных наркологических центрах, но существенных улучшений не было.

Фото **Антон ВОЛОДИНА**

Алина АЛМАНОВА

– Это что за община? Общество трезвости какое-то?

– Не совсем. Казачья община, – принялась рассказывать подруга. – Сначала они туда и ехать не хотели. Потом все-таки съездила мать, пообщалась с руководителем и говорит: «Ну надо же, есть еще настоящие мужчины! Вот куда сына надо!» И Андрея повезли туда – пожить, в себя прийти после лечения в наркоклинике. Пожил и сбежал домой. Говорил, что хочет бросить, но не может... Потом сам вернулся в общину. Бросил колоться. Сейчас в вузе восстановился, изредка приезжает в общину. И очень уважает главного, он у них атаман называется.

Я заинтересовалась. И мы с фотографом Антоном отправилась в Обнинск. В общине нас встречал атаман. Буйная фантазия рисовала мне образ бородатого казака с серьгой в ухе и шашкой на боку.

Атаман оказался спортивного вида мужчиной со смеющимися глазами.

– **Игорь Константинович, что такое община, зачем она создавалась раньше и зачем нужна сейчас?**

– В дореволюционной России община создавалась как воинская, предназначенная для служения вере, царю и отечеству. Но мы сейчас общину не восстановим во всей полноте. Еще и потому, что нет института общинного землевладения, общинной собственности. И от всей прежней общинности остались только взаимопомощь и взаимовыручка. Под общиной сейчас понимают и военно-патриотический клуб, и церковный приход, и клуб любителей рыбок.

– **А как возникла ваша община?**

– Наша началась с занятий по ратоборству. Люди хотели изучать воинскую православную культуру. Это были 90-е годы – время, когда все вычеркивалось, доказывалось, что ничего русского, традиционного нет.

А у казаков это сохранилось. И сохранилась какая-то тяга к кучкованию и самоорганизации.

Вот, допустим, вырос мальчик и понял, что в жизни надо что-то менять. Как парню сделать из себя настоящего мужчину?

Ведь они всегда жили общиной, все время плечо рядом было – товарищество, как Гоголь говорил. Люди так устроены, особенно русские. Они все равно будут объединяться, это в нас генетически заложено. В 132-м псалме, кстати, написано: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!». Община была задумана как казачья, поэтому сюда пришли люди, имеющие казачью кровь, или позже дали присягу и стали казаками. Главный принцип тоже остался: мало ли, что мы хотим, главное – чего Бог хочет от нас.

– А где вы собирались?

– Сначала встречались в лесах. Потом развалины эти нашли. Начали в развалинах усадьбы заниматься. И их восстанавливать. В определенный момент жизни я пришел в Церковь. А в Церкви тоже бывало так: нет единства, только и слышно, что там плохо, там плохо, там... Ну что же это такое? Обидно за державу. Мы негатив уже не гоня-

ем давно. Совсем другие вопросы стали задавать. Что мы можем сейчас сделать для того, чтобы восстановить нашу любимую Россию и нашу веру? Казак, в первую очередь, – рыцарь веры. Мы поняли, что наше казачье служение должно быть религиозным, а значит, – полезным. А это, в первую очередь, конечно, социалка: голодного – накорми, просящему – дай, бездомного – приюти... И стали тянуться такие вот люди. А через некоторое время мы заметили, что казаков становится все меньше и меньше, а нуждающихся в помощи – все больше.

Плюс сейчас вопрос самый основной – детский. «Что будет с моим ребенком? Где он будет? С кем он будет водиться?» Поэтому мы делаем детские дружины. У нас взрослая община и детская дружина. Мальчишки ходят на рукопашный бой, на резьбу, на стрельбу, летом у них лагеря, походы. Девочки тоже ходят в походы. Для девочек я мечтаю сделать училище благочестия.

– Какие сложности возникают в работе с молодежью, которая к вам приходит?

– У ребят нет навыка постоянства. Походил парень на рукопашку – раз, два, три – и пропал. Через месяц появился: «У меня времени не было». Мы не отсеиваем. Снова пропал. Пришел через два месяца – опять: «Я был занят». – «Ну давай, занимайся, ради Бога».

Так что, как правило, ядро – те, кто занимается постоянно – очень маленькое, человек восемь. Они дают присягу – свою, детскую. И носят форму, выполняют устав. Но зато у нас ребята из дружины-ядра поступили в институты и училища, и мы не теряем с ними связи.

Можно не жить в общине. Зато как проблема – все бегут сюда. И проблема личной безопасности – на первом месте. Вот недавно мальчишку отбили у местной группировки. Своих в обиду не даем.

Один парень ко мне пришел и сказал: «Вы знаете, я о вас вообще не слышал, но у меня такая серьезная проблема. Я обращался в милицию, мне не помогли. Потом встретил своего товарища на улице, и он мне сказал: иди туда, иди в «Спас». Там помогут».

– И у родителей бывают проблемы?

– Конечно. Ко мне приходит мать: «Не можете ли вы выпороть моего сына, повлиять на него? А то папы нет, и ребенок совсем развинулся». Я говорю: «Что я, дед Мазай, что ли, – вашего сына пороты? Когда он был поменьше, я вам говорил, что его надо здесь оставить. А сейчас он вырос, стал выше меня, и еще неизвестно, кто кого выпорот». Мать плачет: «Ну пожалуйста, он на меня руку подымает». А сынок и правда матом на мать ругаться стал, плевать в нее, приходит пьяным, обкуренным. Пришел последний раз, взял подлокотник от кресла, избил ее. Можно ли забыть такой поступок? Вызываешь его сюда. «Было?» – «Было». Выпорол. Проблема решена на три месяца. Через три месяца приходит человек отмечаться. «Хорошо себя ведешь?» – «Хорошо». – «Мы с тобой договорились не делать первое, второе, третье». – «Да, договорились».

– Но гораздо чаще, наверное, такой парень просто всех посылает далеко и надолго?

– Бывает. Некоторых надо, честно говоря, уже просто закапывать. Но этого же нельзя делать. Надо работать. Горя много всякого бывает. Вот, допустим, такой случай из взрослой практики. Отец воспитал дочь, трудно было, мать умерла, он один остался. А дочь привела сожителя. Они с сожителем выпивают и говорят отцу: «Ты иди в общагу. Рано или поздно мы все равно тебя

отсюда выживем». Он звонит в милицию. А дочь и ее сожитель – очень грамотные. Они говорят: «Это наше личное дело, это наш папа, папа на самом деле не прав, он выпивает, это он просто ссорится, у него какая-то мания». Милиция говорит: «Разбирайтесь сами», – и уезжает. А его очень грамотно выживают, грамотно бьют, не оставляя синяков. Он приходит и говорит: «Братцы, помогите. Отравят или еще что-нибудь сделают». Мы поехали туда, зашли, позвали этого мужика. Сказали: «Ну что ты, слов не понимаешь?» – и любовь закончилась сразу. Его как волной смыло.

– То есть, хватило просто разговора?

– Просто разговора. Вы поймите: кто так поступает – трус уже по определению. Если ты обжа-

Ты ведь не просто так на свет родился. Ты же тоже должен отдавать. И найти себя в этой отдаче. К сожалению, забирать – это везде принято. Но это не по-мужски. Мужчина силен тем, что всегда помогает.

ешь женщину или старика, – ты уже трус по определению. И если он увидит, что есть сила, которая остановит, он сразу сольется.

Есть и пострашней примеры. Вот мама пришла. У нее сын, шестнадцать лет, в школу не ходит, дома сидит, «Сектор Газа» слушает с утра до вечера и фильмы смотрит про вампиров. Периодически выходит на балкон клея плюсоухать. С виду – ангел, блондин с голубыми глазами. Никогда в жизни ничего плохого про него не подумаешь. Мама сыну чего скажет – он в ответ: «Я тебя убью, отстань от меня». Однажды мать приходит домой, а на кухне разделанная кошка, вот так, по частям. И нож кухонный – воткнул в стол. И этот ангел говорит: «Мамочка, если ты еще раз сделаешь мне замечание, с тобой будет то же самое». А она его оправдывает, выгораживает еще. Я говорю матери: «Надо, чтобы он пришел сюда, разберемся», – и мамы больше не было. Здесь ничего не сделаешь без воли человека.

– А истории с хорошим концом?

– Бывает всякое. Мальчик, допустим, раньше по подъездам ночевал, был оторвой редкостной. У нас тут пять лет пробыл, – и теперь уже курсант третьего курса Рязанского училища ВДВ.

Мы иногда и так делаем: берем на несколько месяцев мальчика, вокруг которого сложилась криминальная ситуация: все его обижает, долбят, бьют, и родители ничего не могут сделать. У нас был случай, когда пришлось мальчишке год не учиться, он у нас просто здесь жил.

Ведь кого обижают? Того, кто один. А когда видят, что есть кому заступиться, уже не трогают. Вот в чем сила общины. «Горе одинокому», – в Библии написано. Правильно же! Хочешь жить один, индивидуально? Живи. Но, как правило, люди все равно тянутся друг к другу. И как хорошо жить все-таки вместе, когда есть дружеское плечо, и за тебя могут заступиться.

– Благодаря каким качествам, на ваш взгляд, можно завоевать авторитет у молодежи?

– Во-первых, всегда есть авторитет силы. У парней это всегда было. Если ты сильный, ты можешь дать сдачи, – тебя хочешь не хочешь будут уважать. Второе: насколько ты сам уважаешь других. Если ты сильный, да еще уважаешь других, идешь навстречу, помогаешь – это самое ценное.

Опять-таки, ценится то, насколько ты можешь пожертвовать собой, взять ответственность на себя. В любом походе, где складывается экстремальная ситуация, уже неважно, какой у тебя мобильник и какая машина. Здесь должны проявиться совершенно другие качества.

Обнинск. Парк, благоустроенный общиной «Спас»

А в обычной жизни... Вы же знаете, какие качества привлекают. Меня как-то попросили подобрать управленческий аппарат для одной молодежной организации. Я поговорил с руководителем и говорю: «Поймите, у нас первое качество, которое мы воспитываем – это служение. А вы уже заранее в свой управленческий аппарат отобрали лидеров, у которых основным мотивом является карьерный рост. Мы таких людей перепитываем».

Еще мы в общине учим мальчишек держать слово. Но это очень трудно, это не сразу получается. Надо восстанавливать образ потенциального настоящего мужчины, его надо просто брать и лепить.

– И как можно выработать ответственность?

– По-разному. Мы как-то с мальчишками в поход собирались, я стащил карту у командира. Что делать? Не уследил? Веди без карты. Неси ответственность.

– И что он сделал?

– Сел в углу и рыдает, – парень, 15–17 лет! Ему жалко себя, ему стыдно. Ты его костеришь. Потом встает и берется, тянет. Но это в лучшем

случае. А в худшем – просто сливается и все. Сейчас трудолюбия у ребят – ноль. А чтобы стать ответственным, надо взять на себя обязанность дома, которую парень должен выполнять хоть тресни! У нас обязательно: «Помогаешь родителям? Моешь посуду? Убираешь квартиру?» – «Нет». – «Почему?» – и заставляем это делать.

Что говорить, родители тоже разные попадают. Всю жизнь с сыночком носились как с писаной торбой, лучший кусок – ему, о себе не думали, а потом удивляются, чего это взрослый сын на шею им сел и ножки свесил.

– Вы затронули важную, печальную и актуальную тему – поколения мальчиков, выросших без отцов. Взрослые мальчики крепко держатся за мамину юбку. И что делать в тех регионах, где никакой общинности пока и в помине нет? Что делать семьям, где есть только мама? Или папа есть, но только номинально?

– Это вопрос индивидуальный. В целом, я могу Вам сказать, что везде сейчас народ кучкуется, есть организации, где руководители, тренеры – мужчины. Или при приходе, или это какой-нибудь клуб патриотический, или спортивная секция – неважно! К ним надо тянуться.

– Вот, допустим, вырос мальчик и понял, что в жизни надо что-то менять. Как парню сделать из себя настоящего мужчину?

– Надо найти в себе мужество искать позитив вокруг. А негатив – в себе. И бороться в первую очередь с ним. Потому что у всех наступает такой момент, что кажется: все кругом виноваты, один я белый и пушистый. Вот это, я считаю, не просто себялюбие, это еще и трусость. Это я говорю будущим мужчинам. Надо начинать с себя. Надо найти в себе все, что ты не любишь, что ты хочешь скрыть. Не от других даже, а от себя.

Надо найти мужество быть честным перед собой. Иначе ничего не получится.

Ты ведь не просто так на свет родился. Ты же тоже должен отдавать. И найти себя в этой отдаче. Потому что, к сожалению, забирать – это везде принято. Но это не по-мужски. Мужчина силен тем, что всегда помогает.

Конечно, здесь очень много связано именно с духом. Надо крепить дух свой. А это вопрос тоже очень сложный. К Церкви надо быть поближе. Но надо начинать с малого. Сейчас мы уже о духовном не говорим, говорим о моральном. Раз ты мужик, – значит, будь мужиком. Первобытный уровень, потом моральный уровень, потом нравственный, а потом уже до духовного дойдет. Не должен мальчик походить на девочку. Мне жалуются ребята, что страшно идти в армию, там дедовщина. Мы с воинскими частями работаем – до смешного доходит. «Ой, дедовщина!» – мальчика-колокольчика обидели. Мы приехали проверять, в чем конфликт. Его поставили в наряд мыть полы. А он их никогда не мыл. Он начал мыть полы и плакать, что это насилие. И убежал. Его поймали, пинков надавали в бытовке. Всё:

«Спасите, помогите, меня избили». И правильно сделали! У меня, когда ребята приходят заниматься, сначала полы моют. Вот так, с малого и обыденного.

Анатолий: «Здесь четкий устав, слаженный коллектив. И нового человека так здорово принимают, он чувствует себя как дома».

Анатолий, 22 года:

– Сам я казак, из Чернигова. Сейчас в Калининград переселяюсь, но там у нас тоже казаки есть. Хотим общину создать. Приехал с отцом сюда – опыт перенять, духовно как-то очиститься. Приехал – понравилось. В городе так просто этого не найдешь. Город сейчас грязный стал. Как бы это объяснить? Вот чтобы русский дух, именно то родное почувствовать, нужно пожить именно в Православии, именно в общине. Иначе ты просто не поймешь этого.

В разных общинах я побывал, посмотрел. Но выбрал именно «Спас», его авторитет очень силен в казачьей среде. «Спас» уже давно существует, проверен временем. Здесь четкий устав, слаженный коллектив. И нового человека так здорово принимают, он чувствует себя как дома. И плюс духовная атмосфера: в храм ходим здесь, молимся постоянно, на душе хорошо. И, естественно, труд, он сплачивает людей в братство. Здесь что умеешь, то и делаешь, чего не умеешь, тому учишься. От каждого по чуть-чуть – получается много.

Максим, 24 года:

– Родители у меня из Ставрополя. А предки мои – казаки терские. Я раньше состоял в реестровом казачестве в Самаре. Воцерковился, узнал про эту общину, стал часто бывать, сейчас приехал, чтобы здесь остаться, присягу принять.

Не знаю, мне кажется, это единственные казаки, которые остались православными в России.

Не курим, не пьем, тут друг другу всегда помогают. Если ты не прав – тебя поддержат, объяснят. Нет такого, чтобы на тебя гневались. Это мне и понравилось. К атаману можно подойти, как к отцу, поговорить с ним, он всегда совет даст, как дальше жить, как себя вести.

Что еще о себе рассказать? Старое помянуть не хочется. Я много ошибок в жизни сделал. Воспитывался в основном без родителей, трудно было. Они развелись, и я начал кататься по России. Все никак не мог усидеть на одном месте. Сюда пришел начать жизнь с чистого листа. Вот и мой младший брат сейчас сюда приехал, тоже нравится. Хорошо здесь, душевно.

Максим: «Если ты не прав – тебя поддержат, объяснят. Нет такого, чтобы на тебя гневались. Это мне и понравилось».

Автономная некоммерческая организация Общинный центр педагогики «Спас».

Основная задача центра – реализация общественно-значимых педагогических и социальных программ, а также восстановление исторического памятника XVIII в. – усадьбы Белкино в Боровском районе Калужской области и уход за усадьбой.

Общественная организация «Обнинская городская казачья община «Спас» – это действующая в городских и сельских условиях саморазвивающаяся модель русской общины, предназначенная для служения обществу и государству.